

Протоиерей священник Аристарх Петрович Полянцев

Потоком времени не всё поглощено,
Жизнь прожита, но отблеск её вечен.
Пусть золото игры в волнах погребено –
Азарт игры, как выигрыш отмечен
Из письма М.А. Полянцева

Аристарх Петрович Полянцев происходил из семьи духовного звания, именно так было записано в его послужном списке. Родился он в 1874 году. Юрист по образованию, окончил полный курс Самарской духовной семинарии 12 июня 1895 года.

И уже 1 августа поступил на службу законоучителем и (заметьте!) – учителем второклассной церковно-приходской школы при Спасо-Преображенском монастыре в городе Николаевске (Пугачёв), где учительствовал по 28 июня 1898 года.

В сан дьякона, а затем и священника рукоположен епископом Гурием соответственно 12 июня и 15 июля 1898 года. В тот же год, 22 ноября, тем же епископом, был посвящён в стихари (богослужебное облачение священнослужителя).

Служил священник в церкви села Салтово Новоузенского уезда Самарской губернии с 4 августа 1898 по 30 сентября 1900 года. Здесь же, в Салтово, состоял заведующим и законоучителем церковно-приходской школы, в Салтовском начальном училище преподавал Закон Божий.

Затем долгие, долгие годы, с 30 сентября 1900, являлся настоятелем церковного прихода в селе Новорепное того же уезда, где также был заведующим и законоучителем второклассной школы по 30 июня 1903 года и одновременно читал Закон Божий в 1-ом Новорепинском земском училище. Далее стал ещё заведующим и законоучителем Новорепинской церковно-приходской школы с 15 июня 1905 года.

К этому времени он имел уже немалое количество наград. На его службе и наградах не отразился инцидент, происшедший в 1899 году. На священника было заведено дело по жалобе купца села Салтово господина Разговорова, якобы, «за грубое обращение священника с прихожанами и неблаговидном его поведении во время проведения богослужений и других проступках».

Сохранились два архивных дела – Переписка с канцелярией облпрокурора Святейшего Синода по жалобе купца Разговорова и Переписка с Самарским губернатором о привлечении священника с. Новорепного Полянцева к ответственности за оскорбление пристава при исполнении, но дело было закрыто, расследование прекращено.

У меня сложилось мнение, зная теперь уже характер моего героя, что в каких-то принципиальных вопросах он не поступился в споре с купцом. И именно поэтому дело не только после его рассмотрения было закрыто, но и в послужном списке священника этот факт не нашёл своего отражения. А вот награждён за педагогическую деятельность и отличную службу он был неоднократно.

В феврале 1897 года священнику «было преподано» Архипастырское Благословение с вручением Грамоты «за успешное ведение дела преподавания в двухклассной церковно-приходской школе при Спасо-Преображенском монастыре в городе Николаевске».

В следующем, 1898, году он принял участие в тушении пожара в городе Николаевске. В Епархии этот факт гражданского мужества не остался незамеченным. 23 февраля священник получил снова Архипастырское Благословение, и также с вручением Грамоты.

Изучая все эти документы, я прониклась таким уважением к личности, не просто священника и педагога, а настоящего гражданина своей страны, что мне захотелось проследить весь его дальнейший жизненный путь.

30 января 1900 года Аристарх Поляnceв участвовал на правах депутата в работе Епархиального и Окружного съездов.

11 мая 1902 года священник был награждён Библией от Священного Синода снова «за труды по народному образованию», 25 ноября того же года – набедренником, а 26 марта 1906 – скуфьёй.

По Указу Консистории он состоял ещё и цензором катехизических поучений с 23 сентября 1903 года. Его проповеди собственного сочинения привлекали внимание прихожан, находили живой отклик в их душах.

31 мая 1907 года священник был избран членом Совета и помощником следователя духовенства 2-го Благочинного округа с 29 марта 1908 года.

И снова, как и в 1900 году, с 17 по 21 мая и с 10 августа по 2 сентября 1910 года участвовал в работе Епархиального и Окружного съездов.

Как видим, его послужной список говорит не только о безграничной преданности службе Господу и своей пастве, но и о нём

как разносторонне грамотном человеке, за что священник получил признание, любовь и уважение населения не только своего прихода, но и во всей Самарской Епархии.

И в 1918 году он всё ещё служил в своём Новорепинском приходе. Жил священник с семьёй здесь же, в селе Новорепное Новоузенского уезда Самарской губернии (после 1918 село было отнесено к Саратовской губернии).

У него была замечательная семья. Его жена, Мария Александровна, урождённая Жданова (1880–1969) – женщина грамотная, невероятно одарённая. Любящая поэзию, она к тому же была правой рукой мужа, вела переписку со всеми родными и близкими, постоянно используя поэтические строки в своих посланиях. Одно время учительствовала в местном училище. Но и горя немало выпало на её долю. Смерть единственной дочери в младенчестве, аресты мужа и сына. Все вынесла женщина, у которой главным в жизни всегда оставалась любовь. «Любить, – пишет она в одном из писем, – Это небо похитить у Бога и Небо за ласку отдать, Страдать – так покорно – так много – так много, Чтоб сердце устало страдать».

Вот в такой семье, в обстановке любви, чистоты помыслов и стремлений к знаниям, в уважении к труду, родились и воспитывались три их сына.

Старший, Николай, родился 4 августа 1899, Сергей – 7 августа 1900, и младший – Владимир – 3 мая по старому, 14 мая 1904 по новому стилю.

Николай и Сергей, после окончания церковно-приходской школы, на 1910 год учились в Николаевском духовном училище. Казалось бы, они должны были пойти по стопам отца. По окончании училища сыновья продолжили обучение, как оказалось, в гимназии губернского города Самара.

Изменения пришли в их жизнь, как и в жизнь граждан великой России, в связи с революцией 1917 года.

Сведения об изменениях, происшедших в жизни Аристарха Петровича в 1918 году, я почерпнула из работы А. И. Мраморова «Обвинения против православного духовенства в Саратовском ревтрибунале», опубликованной на Научном богословском портале 31 января 2011 года.

Основан очерк на документах, сохранившихся в областном Государственном архиве Саратовской области в фонде Саратовского революционного трибунала. Дело об этом происшествии было заведено ещё в Самарском ревтрибунале, но с отнесением Новоузенского уезда к

Саратовской губернии в 1918 году, в составе которого было и Новорепное, для окончательного разрешения было передано в Саратовский ревтрибунал.

Но обратимся к существу событий 1918 года. Аристарх Петрович Полянцев, священник сёл Лавринка и Новорепное, отказался венчать в церкви большевика Курнаева с новой возлюбленной, незадолго до этого получившего гражданский развод в «Камере народного судьи». Священник посоветовал гражданину Курнаеву обратиться за получением разрешения на венчание в церкви в Самарскую Консисторию. Но вы только представьте себе, большевик требует венчания со своей новой гражданской женой в церкви! Вот как в то время «всё смешалось в доме Обломовых».

Получив отказ от священника, Курнаев не обратился в Консисторию. Он инициировал создание Комиссии из местных большевиков по рассмотрению, как он трактовал, неправомерных действий Полянцева. Естественно, Комиссия поддержала своего товарища, придя к выводу, что священник «не только не приносит пользы в области просвещения масс села Новорепное от черносотенных взглядов, а наоборот, содействует таковым как приспешник (так в тексте) старого строя».

Из-за инцидента с Курнаевым принципиальный священник А.П. Полянцев уже в конце 1918 года потерял место постоянной работы и вынужден был поселиться с семьёй в городе Покровск, куда священник перевёз, как рассказали внучки, дочери его сына Владимира, и свою большую библиотеку православной литературы.

Уже после смерти священника вдова передала совету Свято-Троицкой церкви всю литературу, судьба которой нам до сих пор неизвестна.

Поскольку документы послереволюционного времени покровских православных церквей не сохранились, мы бы не узнали, когда же в Покровске появился протоиерей Аристарх Полянцев.

Но в Государственном историческом архиве немцев Поволжья, в фонде Отдела народного образования, мною было обнаружено заявление старшего сына священника Полянцева Николая Аристарховича, гражданина с. Новорепное Новоузенского уезда Самарской губернии, в Совет народного образования. В нём он просит предоставить место народного учителя в какой-либо приходской (так в тексте) школе города. При этом он сообщает, что документы об окончании 6-ти классов гимназии находятся в г. Самара, в 1-ой смешанной гимназии. Продолжить же обучение в 7-м классе указанной

гимназии он не имеет возможности за неимением средств для окончания образования. Датирован документ 26 октября 1918 года.

Так была установлена дата прибытия семьи в Покровск, где и начался для них тяжёлый период проживания, и оба они, отец и сын, окончили свой жизненный путь.

Но чем ещё нам интересно заявление Николая. Понимая, что место работы он может не получить, молодой человек решил показать своё лояльное отношение к новой власти. Он пишет: «При этом прилагаю свой взгляд на политику. Формально я ни к какой партии не принадлежу, но всецело сочувствую большевикам коммунистам, так как ясно сознаю, что только идея большевиков коммунистов может вывести всемирный пролетариат, угнетённый царизмом и буржуазией, из кабалы рабства на свободу, и из власти тьмы к свету и в мир культуры».

Не будем даже комментировать это высказывание, скажем лишь, что и этот реверанс в сторону новой власти не помог. 11 мая 1919 года на заявлении была наложена резолюция: «Откл.» (читай – отклонить). Более того, до 1923 года никто из членов семьи не имел постоянного места работы.

Благо, что братья были мастеровыми людьми. Они у себя в мастерской изобрели и сконструировали фотоаппарат, первый собрали в деревянном корпусе, и фотоснимками зарабатывали на кусок хлеба.

Из этого же заявления Николая мы узнали и первый адрес проживания семьи в Покровске – улица Нижняя (ныне имени Героя Советского Союза Виктора Кондакова), Д. 25.

Много позже мне довелось ознакомиться, сначала по документам, с жизнью семьи в Покровске благодаря младшему сыну священника Владимиру. Самодеятельный изобретатель и фотограф, как и его братья, именно он оставил нам в наследство виды наводнения 1926 года в Покровске и близлежащих сёлах, когда город и приволжские сёла буквально в считанные часы в мае ушли под воду разбушевавшейся реки.

Но понадобились годы, чтобы найти сведения об этом фотографе.

В документах Комиссии по наводнению сохранилось заявление Полянцева В.А. от 26 мая 1926 года следующего содержания: «Прошу Вашего ходатайства перед ГПУ (Государственное политическое управление) о даче мне разрешения на право производства фотографических снимков районов города, затопленных наводнением. Причём, списки, интересующие Комиссию, мною будут предоставлены в двух экземплярах».

Далее был обнаружен ещё ряд его заявлений с резолюциями ответственных лиц и просьбой профессора Г. Дингеса, директора Центрального музея АССР НП, предоставить историческому отделу музея снимки мест города и ряда сёл до наводнения, во время затопления и после наводнения. В этих документах сокращённо было указано имя и отчество фотографа – Полянцев Влад. Аристарх.

Не было только ответа на главный вопрос, кто этот человек, где и кем он работал. Поиски продолжились.

Но помог, как бывает, Его Величество, случай. В 2000 году детский оркестр «Золотые трубы», руководимый Владимиром Акопяном, был приглашён в Америку на Штойбен – парад немецких оркестров. Депутат Энгельсского муниципального образования А.З. Балбеков, совсем недавно ушедший из жизни от ковида, обратился на РТР с просьбой осветить это событие на российском телевидении. Здесь он и познакомился с дочерью Владимира Аристарховича Полянцева Ириной.

Как вспоминал впоследствии А.З. Балбеков, когда он назвал Ирине Владимировне Полянцевой, из какого города звонит, её голос задрожал. После этого разговора у депутата родились такие строки: «Алло, Москва? Из Энгельса звонок... Вы встрепенулись, трепет Ваш понятен, видать судьба, Всевышний Вам помог – дал в руки нить, распутать весь клубок, чтоб стало меньше в жизни белых пятен...».

Так были пополнены знания о моём герое, о жизни их отца в Покровске. От них я получила подлинные документы и копии фотографий деда, бабушки, отца Владимира, его братьев Николая и Сергея.

После чего мною и было обнаружено личное дело Владимира, кассира НКВД Немецкой республики. В анкетах за 1924 и 1925 годы он писал, что окончил в 1919 году единую трудовую школу 2-ой ступени (в Покровске). Недолго проработал конторским служащим при Дергачёвском уездном профсоюзе. Затем – в Покровском земельном управлении. С 20 августа 1923 года он уже на постоянной работе в НКВД.

Вместе со мной, – пишет Владимир в анкете, – и на моём иждивении проживают отец, мать, два брата. И указан новый адрес семьи: Коммун. пл. (читай – Коммунарная площадь), Узенький переулок (Театральный), 12. Это подтверждает воспоминания Владимира, что они не только жили рядом с Кассилями, но и дружили с их детьми. И даже Владимир и Иосиф были влюблены в одну девочку, из-за которой у них был спор.

Наверное, здесь надо пояснить для читателя, что родители писателя Льва Кассиля и его брата Иосифа, долгие годы жили, работали и окончили свой жизненный путь в Покровске (Энгельсе). Отец, Абрам Григорьевич, известный как «главная повитуха», акушер-гинеколог, принял бесчисленное количество покровчан, энгельсситов. Он открыл в слободе родильный приют, а затем в городе родильный дом. Мать, Анна Иосифовна, пианистка, преподавала в первой музыкальной школе города.

Но о Владимире, его работе в Покровске, фотографиях наводнения, его аресте и ссылке, о моём знакомстве с семьёй Полянцевых, как и о семье Кассилей, дорогие мои читатели, вы можете прочитать в очерках, опубликованных во втором томе «Под Покровом Богородицы» в 2007 году.

Давайте далее снова уделим внимание главному герою очерка. С конца 1918 года Аристарх Поляnceв служил в Покровске в Свято-Троицкой церкви. В тот самый период, когда началось наступление на церковь со стороны советской власти, власти большевиков, объявивших войну не только православию, верующим и других вероисповеданий. Именно поэтому документы церковей за советский период не сохранились.

Новые сведения были получены мной при изучении постановлений властных структур об отделении церкви от государства, о создании ЗАГСов и признании только гражданских браков. А также из материалов о закрытии церковей и молитвенных домов, экспроприации церковных ценностей, лишении священников избирательных прав, что означало фактически лишение их гражданских прав, об арестах и ссылках священнослужителей, и из их допросов чекистами.

Все эти факты борьбы власти с церковью, с верующими имели место в Покровске и в Покровском уезде, ничего не изменилось и с вхождением Покровска и его уезда в состав Области немцев Поволжья в 1922 году, преобразованной в АССР НП в 1924 году.

Более того, она, эта борьба, приобрела ещё более жестокий характер.

Именно этот, жесточайший характер, наиболее полно раскрыли нам документы арестов, допросов и высылки священников церковей Покровска и близлежащих сёл, проходивших в период с ноября 1930 по 31 августа 1931 года. На них я буду и далее ссылаться в этом очерке.

В 1918 году в Покровске была закрыта Троицкая богадельня, здание которой приходу подарил Н.А. Ухин, землевладелец, меценат, староста Свято-Троицкой церкви, дед известного художника страны А.А. Мыльникова. На 1922 год в этом национализированном здании располагалась больница № 3.

Был экспроприрован и дом Покровского церковного попечительства на улице Калинина, бывшей Крестовой. Ликвидировано Подворье Новоузенского монастыря на улице Новоузенской, ныне Нестерова.

Встал вопрос и об отмене чтения Закона Божьего в школах. Естественно, священнослужители и истинно верующие горожане не хотели и не могли с этим мириться. И в 1919 году он ещё не был официально отменён, но священники читали Закон Божий только за счёт родительских средств.

Мне неизвестны и такие случаи в Покровске, когда бы служители церквей в угоду новой власти «снимали с себя священнический «наряд» и поступали в ряды партии или же на службу советской власти». Об этом властные структуры из столицы страны неоднократно напоминали местным чиновникам и просили сообщать о каждом таком случае.

В этом же, 1918, году местные советы сделали первую попытку описывать церковные ценности. 21 июня 1921 года Саратовский губернский музей уже принял от коллектива верующих Свято-Троицкой церкви целый ряд предметов богослужебного назначения. Основное же изъятие ценностей происходило в 1922 году, якобы, как утверждали большевики, они направят средства от их продажи на оказание помощи голодающему населению Поволжья. Что на деле оказалось чистой профанацией.

Но о том, как и почему проходило довольно спокойно, несмотря ни на что, в Покровске изъятие церковных ценностей, как священники и члены созданных советов при церквях боролись только за то, чтобы оставить верующим главные святыни и самые необходимые для службы предметы. Как взамен предлагали для передачи голодающим собранные семьями церковнослужителей и прихожанами покровских церквей золотые и серебряные украшения граждан, предметы домашнего обихода, мною довольно подробно рассказано в очерке «Жизнь православной церкви в Покровске-Энгельсе в 1917-1941 годы». Этот очерк также опубликован в 6-ом томе моих исследований в 2019 году.

Не только духовные лица, но и простые жители, православные, не хотели мириться с уничтожением церквей. Они собирали средства на содержание зданий, заключали договоры на пользование храмами. И даже городской Совет подтверждал, что местное население относится к этим действиям власти отрицательно. Но большевики не сдавались. Они объявили войну всем, кто стоял на стороне сохранения церквей, начали фабриковать дела против этих людей.

В 1917-1918 годах первым начал борьбу с властью благочинный священник Василий Аксёнов, который служил в Покровской церкви. Он прямо против советской власти не выступал, но отстаивал право церкви на самостоятельную деятельность. Болезнь и смерть не дали, да и не могли бы дать, ему возможность осуществить свои замыслы. Священник Александр Дамаскин в 1921-1922 годах продолжил начатое Аксёновым дело. Он также проводил на своей квартире собрания священнослужителей и верующих, агитируя бороться за права церкви.

Но когда, ещё в 1919 году, в Покровск был направлен епископ Тихон (Оболенский), он был сразу взят на заметку органами ЧК, за ним установили слежку. Именно ему они впоследствии приписали создание контрреволюционной повстанческой организации духовенства в Покровске, которая, якобы, ставила своей целью свержение советской власти. Его обвиняли в том, что он был крайне враждебно настроен к руководителям страны, принадлежал к правому течению в духовенстве. Устраивал нелегальные собрания в церкви и у себя на квартире.

Безусловно, он, служители церквей, да и многие простые граждане, считали, что эта власть долго не продержится. Это не удивительно. Ведь разруха, эпидемии, голод, отборы хлеба у крестьянства, гражданская война давали повод так думать.

И, возможно, они об этом говорили между собой, но никаких заговоров по свержению власти в Покровске не было.

Чекисты писали, что епископ, кроме контрреволюционной работы среди духовенства, организовал в Покровске из числа мирян кружки «Ревнителей церкви». Они проводили в жизнь «тайные мероприятия во благо церкви». Но ведь «во благо церкви», а не в целях свержения власти.

Епископ был приверженцем идей и горячим поклонником митрополита Петра Крутицкого. Он, и его сторонники, в первую очередь, Аристарх Полянцев, также говорили, что если бы у руля православной церкви в России стоял Пётр Крутицкий, то и церковь в стране была бы спасена. Как утверждали чекисты, епископ приблизил к

себе не только Полянцева, но и других священников – Завражина, Волковского, и как показал Белов, его самого тоже.

Видимо, именно по требованию соответствующих органов в 1922 году епископ Тихон был выслан из Покровска в Москву, но за ним и там слежка продолжалась – «за его подрывной деятельностью». Он был связан с архиепископом Николаем в Америке, получал от него письма в защиту православной церкви России и распространял их среди священнослужителей в стране.

Священники, и в их числе Аристарх Петрович Поляnceв, постоянно и последовательно выступали за сохранение церковных устоев, за свободу церковной власти, собраний, за восстановление священнослужителей в гражданских правах, которых они фактически к 1927 году были лишены все.

Не имея гражданских прав, они не могли найти работу, содержать свои семьи.

Долго я не могла понять, откуда же появилась версия о создании в Покровске в 1919 году «контрреволюционной организации, имевшей целью свержение советской власти»? Изучение материалов этого дела, назовём его «Дело 1930-1931 годов», дало мне повод утверждать, что именно работникам ГПУ принадлежала эта идея.

Ведь в первых материалах следствия они писали, что к ним стали поступать сведения о проходивших в Троицкой церкви с 1929 года нелегальных собраниях. На них, кроме священника Хераскова, служившего в этой церкви, присутствовало духовенство и других церквей Покровска и близлежащих сёл. А в Вознесенской церкви распространялось какое-то «святое письмо Божией матери», в котором говорилось, что «пойдёт народ на народ, брат на брата». И именно создание противозаконной организации в 1929 году и участие в ней они вначале вменяли арестованным.

Затем, видимо, они вспомнили о событиях 1919 года в Покровске, о высылке епископа Тихона (Оболенского), о его связях с Америкой, с архиепископом Николаем, приписали епископу создание так называемой «контрреволюционной организации» и стали выбивать эти признания у арестованных.

Вот, некоторые из священников, думается, не выдержав пыток, начали рассказывать, якобы, действительно епископ Тихон создал такую организацию в 1919 году, куда и втянул их, в частности Белова, Волковского и других. На одном из допросов, С.А. Белов говорил, что во время голода в Поволжье он был инспектором по питанию АРА и епископ через своего секретаря Александра предлагал ему быть

посредником для передачи писем в защиту церкви в Америку через представителей американцев архиепископу Николаю. Но он тогда на это предложение ответил отказом.

Именно здесь, при допросах, арестованные назвали фамилию священника Аристарха Полянцева, на тот момент уже умершего, что именно он после 1922 года стал во главе организации и оставался таковым до самой смерти. И это, дескать, несмотря на то, что в Покровск был прислан епископ Павел. Он, по их показаниям, был настолько слабохарактерным, что Аристарх Поляnceв продолжал руководить организацией.

Возглавлял ли Аристарх Поляnceв борьбу священников Покровска за сохранение церкви, такого документального подтверждения мы не имеем. Но то, что он и его единомышленники пытались сохранить покровские православные церкви, даже не вызывает сомнения. Установлен и факт их связи с епископом Тихоном в Москве, который, как уже было сказано, продолжал борьбу за возможность дальнейшего существования православной церкви в России. За одно такое «контрреволюционное» письмо в защиту русской православной церкви полученное через епископа Тихона от архиепископа Николая из Америки, Аристарх Петрович Поляnceв и Николай Иванович Завражин в 1928 году были арестованы, осуждены Коллегией ОГПУ (Областное государственное политическое управление) и высланы из Покровска на три года.

А будучи на лесоповале в Архангельске, мог ли священник Поляnceв руководить организацией?

Правда состояла только в одном, что истинно верующие служители церкви, каким был и Аристарх Петрович Поляnceв, и многие названные в этом материале, действительно собирались вместе, думая, решая, как отстоять своё право и право граждан на веру.

И до, и после смерти Аристарха Петровича, как показали и арестованные, в его доме и в других домах священников, эти собрания имели место быть. Но разговоры, как и ранее на квартирах епископа Тихона, Василия Аксёнова, Александра Дамаскина, велись о том, как отстоять права священнослужителей, верующих, а вовсе не о свержении власти.

А в семье Полянцевых с 1926 года начались события, которые не оставили никаких шансов на простое человеческое существование. Один за другим последовали аресты Владимира, единственного кормильца семьи. Если бы в 1925 году не умер Народный комиссар НКВД Республики немцев Поволжья С.Ф. Колотилов, ни ареста, ни

выселения ценного работника он бы не допустил. Не помогла даже положительная характеристика, выданная Владимиру, по его же требованию, за весь период работы в НКВД.

Несмотря на это, в июне он в очередной раз был отстранён от работы, осужден и выслан на Соловки. Видимо, именно эта положительная характеристика сыграла свою роль там, в ссылке. Он стал не просто заключённым, а фельдъегерем. И судьба Владимира в дальнейшем сложилась весьма удачно, скажем лишь о его работе в АПН (Агентство Печати Новости), где печаталось множество его снимков. Но в наш город он уже не вернулся.

И теперь уже Сергею пришлось содержать семью. Он во дворе своего дома, в их мастерской, делал различного рода вывески на русском и немецком языках. У Велидарского, фотографа, в павильоне соорудил витрину. Сделал станок для точила, и уверял в письме брата, что такого станка в Покровске ни у кого нет...

По субботам, – сообщал он Владимиру, – «отправляюсь на велосипеде к пруссакам на поточный заработок».

А отец в это время уже «под колпаком», идет следствие. Мать пишет сыну 3 января 1927 года в ссылку на обороте фотографии, где они запечатлены с Сергеем: «Дорогому сыну и брату. С Новым 1927 годом! Полянцевы. Покровск... Желаю, чтобы... ах, не властны мои желанья спасти от тяжких бурь, невзгод и испытанья тебя на жизненном пути». И подпись: мать, 47 лет, сын, 26-ти.

Как уже было сказано, Аристарх Петрович был выслан на три года в Архангельск. Там, на лесоповале, он вскоре получил такой сильный удар от упавшего на него срубленного дерева, от которого уже не оправился. Началась саркома. Руководство Гулага решило отослать безнадежно больного умирать домой, к семье, в Покровск. Сильный духом, он до последнего своего часа встречался со священнослужителями, продолжал вместе с ними думать над тем, как даже при этой безбожной власти сохранить церковную жизнь.

Сохранилась фотография священника 1929 года, незадолго до его кончины. Его не стало 8 января 1930 года. В свидетельстве о смерти, выданном Покровским ЗАГСом для «предания тела земле» была указана причина: «умер от истощения организма на почве злокачественной опухоли в полости малого таза в возрасте 56 лет».

Именно поэтому его не постигла участь 11 человек, в числе которых десять священников и один член общественного совета церкви Василий Андреевич Чертороев, арестованных в ноябре 1930 года. Не довелось ему узнать, что Николай Иванович Завражин, с которым они

были сосланы в 1928 году, получил снова, но теперь уже огромный срок – 10 лет заключения.

В Покровске же, ещё оставшиеся на свободе священнослужители и горожане, продолжили борьбу за сохранение последней оставшейся в городе церкви – Вознесения, но и она была закрыта, правда только в марте 1941 года.

После похорон А.П. Полянцева, дети, жена протоиерея не отказались от отца и мужа, не предали его. Они любили, уважали его за стойкость, за веру, гордились им. И, естественно, в их доме также продолжали собираться верующие.

Вслед за отцом умер и его старший сын Николай. Нам, к сожалению, осталась неизвестной судьба Сергея. Владимир, после окончания Архангельского политехнического института, обосновался сначала в Москве, а затем в Люберцах, забрал маму в свою семью. В Покровске не осталось никого.

Дети Владимира, и его внуки свято хранят память о членах своей неординарной семьи. Особая их гордость – серебряная ложечка с выгравированной надписью, подаренная Патриархом Всея Руси Тихоном их деду: «Полянцеву Ар-ху Петр. от Патриарха В.Р. Тихона».

И, дочери и внуки, продолжают разбирать богатейший фотоархив Владимира Аристарховича, в котором, думается, будет ещё немало фотографий старого Покровска (с 1931 года – город Энгельс).

А нам остаётся только рассказывать об этих людях, чтобы мы знали историю своей страны, судьбы её граждан. Надо помнить не только её героические страницы, но о тех событиях, которые никогда не должны повториться.

Е. М. Ерина